

ПРИКОВАН К КАМЧАТКЕ НАВЕЧНО

С волнением представляем читателю все произведения поэта и писателя Георгия Германовича Поротова, впервые собранные в трехтомное издание. В него вошли романы, стихотворения, поэмы, пьесы, песни, сказки, авторские ноты к пьесам, песням, к народным напевам, танцам.

В 1967 году Дальневосточное книжное издательство выпустило первый поэтический сборник Георгия Поротова «Ое». Затем, вплоть до его кончины в 1985 году, читатель знакомится с новыми произведениями Г. Поротова в регулярных изданиях: «Корел» (пьесы для театра кукол), Дальиздат, 1969; «Акиках, Ачичух, Абабах» (сборник избранных поэтических произведений), Дальиздат, 1972; «Песни страны Уйкоаль» (стихотворения, поэмы), Москва, «Современник», 1975; роман «На околице Руси», книги первая и вторая, Дальиздат, 1979, 1981; поэтический сборник «Камчатский мотив», Дальиздат, 1984. Кроме того, в соавторстве с В. Косыгиным (Коянто) в Дальиздате вышли три книги из цикла «Встречи в тундре»: «В стране Кутхи», 1969 (переиздана в Палане в 1994 году); «Песни Алнея», 1969; «Дарю тебе песню», 1970. После смерти Г. Поротова были изданы поэтические сборники: «Ветер жизни», Дальиздат, 1986; «Стихотворения и поэмы», Дальиздат, 1990; неоконченный роман «Камчадалы», Фонд компенсации в пользу народов Севера, 1994.

Несмотря на короткую жизнь, творчество Георгия Поротова настолько многогранно и наполненно, что в трехтомнике заметную долю составили неопубликованные поэмы, пьесы, стихотворения. Хотя с полной уверенностью, что они не увидели свет в газетах, журналах, сказать нельзя: слишком велика была популярность Георгия Поротова и за пределами Камчатки. В качестве безусловной премьеры перед читателями можно поручиться за третью книгу романа «На околице Руси», поэмы «Боги», «Тигильское сказание», «Кочующее племя», стихотворения из цикла «Гимн скрипке», «Байки», «Миниатюры». Ранее не изданными были почти все пьесы (кроме «Кутха и мыши», «Корел», «Смех»): «Ве-

сельный Акан», «Добрый Миль», «Как Кутха на горбушах катался», «Крылатый Кутх, или Песнь о любви», «Как Кутха заставил Миты труд любить», «Как Кутха Эмемкута пугал», «Медвежатники», хотя многие из них ставились на самодеятельной и профессиональной сцене.

Мы посчитали вправе объединить стихотворения в четыре цикла. Названия двух из них: «Ое» и «Авай» — известны читателю, «Медведь-батовщик» и «Оборванные струны» намечались Поротовым в рукописях.

В первый том произведений Г. Г. Поротова вошли стихотворения, поэмы, пьесы, ноты. Во второй — роман «Камчадалы», первая книга «На околице Руси» и фотоснимки — фрагменты из жизни писателя. В третий том включены вторая и третья книги «На околице Руси».

Сегодня, в год издания первого тома произведений Георгия Поротова, представлять популярного и любимого на Камчатке поэта и писателя нет нужды. Но жизнь продолжается. И мы надеемся на признание творчества Георгия Поротова в будущем, на то, что на визитной карточке Камчатки его имя останется навечно. Поэтому так ценны воспоминания современников Г. Поротова о нем как о писателе, человеке. Свой вклад попытается внести и автор этих строк.

Георгий Германович Поротов родился 3 мая 1929 года в селе Елизово, недалеко от Петропавловска-Камчатского. Детство и юность прошли в долине реки Камчатки, в селе Мильково. Г. Поротов считал себя по социальному положению «из крестьян». С 1944 года до поступления в 1953 году в Хабаровскую краевую культпросветшколу (в г. Биробиджане) он пахал землю, пас лошадей, работал молотобойцем в кузнице, вел бухгалтерские книги в колхозе имени Сталина. После четырех лет учебы с дипломом методиста-организатора клубной работы он вернется в Мильково и будет заведующим клубом, художественным руководителем, директором районного Дома культуры. Через несколько лет (с 1959 по 1964 год он руководил окружным Домом народного творчества в Палане) Г. Поротов вновь в Мильково, на должности заведующего районным отделом культуры. Здесь же он получит первую награду — орден Трудового Красного Знамени. Прежде чем полностью перейти на творческую литературную работу, Г. Поротов объездит Камчатку в должности старшего методиста областного Дома народного творчества и инструктора-методиста Камчатского отделения Всесоюзного общества книголюбов.

Георгий Германович Поротов исчислял свой стаж творческой деятельности с мая 1957 года. Вероятно, с того дня, как он с дипломом культпросветшколы впервые побывал на севере Камчатки, прочувствовал красоты суровой природы, необыкновенную талантливость северян. Без Севера, фольклорных экспедиций, наверное, не было бы самобитного поэта и писателя Георгия Поротова, о котором в предисловии к его книге, знакомя всесоюзного читателя с «Песнями страны Уйкоаль», Владимир Санги напишет: «Ительменов сегодня немногим более тыся-

чи человек, но талантливые сказители, народные певцы пронесли сквозь века мудрость мужественного народа, его жизнестойкий ум, яркие песни и танцы, сумеречные сказания. И нужен был человек, который бы собрал эти волшебные сокровища, от имени древних сказителей и певцов подарил их внукам и правнукам. И такой человек нашелся».

Именно из фольклора, из этой «колыбели многих литератур малых народностей», вышли первые литераторы народностей Камчатки. Мифы, предания, песни, мелодии, пословицы, сказки — героические, фантастические, лирические, обрядовые, бытовые, они щедро одаривали тех, кто использовал их как источник для познания истории, психологии, труда своего народа.

К концу 1930-х годов на основе национальной письменности, на крепкой почве фольклора появились ростки литератур нанайцев, чукчей, коряков, ненцев, эвенов, манси, ханты и других малочисленных народностей. На Камчатке первыми по этой тропе пошли коряки Кецай Кеккетын, Лев Жуков, Иван Баранников. Они освободили от архаичных элементов фантастики образы легендарных богатырей, наделили их чертами обыкновенных людей. Монологи, сравнения, пейзажи, не свойственные древнему корякскому фольклору, усилили художественную выразительность. Так родились исторические повести «Последняя битва», «Эвныто-пастух», «Нотаймэ», «Хоялхот», сборник «Сказки об Эмемкуте».

Война оборвала жизнь Баранникова, Кеккетына, но по тропе, проложенной ими в литературе, зашагали ительмен Георгий Поротов, коряк Владимир Косыгин (Коянто).

Первый поэтический сборник Поротова «Ое» стал примером обогащения фольклорных мотивов. Его поэзия не парадна. Не поражает пышным словом, замысловатыми многоэтажными сравнениями. Она неброска, как скромные цветы тундры, но приглядишься к их наряду, вдохни их чуть слышный аромат — и они будут всю жизнь волновать и тревожить душу, не дадут засидеться в городе, настойчиво позовут в путешествие. Так и стихи, и песни Поротова. Вдруг замечаешь, что поешь их в праздничный час, цитируешь в разговоре с друзьями и не расстаешься с ними в поездках по Камчатке, будь то северная тундра или знойная речная ложбина в сердце полуострова. И новые друзья, которых приобретаешь в путешествии, покажутся тебе близкими и понятными, потому что в каждом будет что-то от неунывающего Ое, доброй красавицы Айи, медлительного Авая, незадачливого Кокки, горячего, смелого казака Федьки Дранки.

Глубокий смысл таят его простые, на первый взгляд, поэтические строки. А сам Георгий Германович искренне удивился, когда в 1977 году, на Первом Всероссийском семинаре литераторов народностей Севера и Дальнего Востока, критики выделили в первую очередь его фольклорный стихотворный цикл, отметили его глубокую народность, щедрую талантливость поэта.

— Интересно, — сказал мне Поротов, — я эти стихотворения за серьезную поэзию не считал: ведь их так легко писать. Сел — и готово. А я всегда считал, что настоящая поэзия — это когда над каждой строфой сидишь месяцами. — Сказал и мягкими чуткими пальцами перебрал, как струны, страницы рукописи и задержался на одной. — Послушай:

Травинки трепет
В моей крови...
В гранитные храмы
Мой путь бесконечный,
Горные цепи,
Цепи мои,
Прикован я вами
К Камчатке навечно.

Вот над этим я просидел полгода. А про Ое, Авая — это легко, строчки сами льются...

Конечно, легко, конечно, льются, когда ты полон этими строками, как горная речка весной. Когда твои поэтические образы настояны на песнях, сказках Камчатки. Когда дома собраны уникальные коллекции — сотни записанных на магнитофонные пленки ительменских ходил, корякских дразнилок, алеутских, чукотских песен; древние народные музыкальные инструменты северян. Если природа наделила тебя особой чуткостью к музыкальной мелодии, ритму. Если в твоих руках полнозвучно поют и старинный скрипучий варган, и гулкоголосый бубен, и тонкоголосая древесная дудочка, и трепетная скрипка, послушны мандолина, гитара, баян, аккордеон. Если ты особо восприимчив к народному юмору и память хранит веселые байки про мишку, родные камчадалские словечки, и все это словно искрится в твоих шуточных стихотворениях: о той же ягоднице Прасковье, насмерть испугавшей медведя; про соседа-воришку, надевшего для маскировки шкуру страшного зверя; о Кокке, оказавшемся в одном бату с косолапым; а любимое словечко героя Авая «успею» вошло в поговорку для характеристики лентяев.

Эта жизнелюбивая лукавая улыбка особо отличает творчество Поротова, она и в его душе, характере. Даже на вечере «страшного рассказа», который устроили семинаристы в подмосковной Малеевке, он до слез рассмешил слушателей своей таинственной историей о цыганской скрипке. Это приключилось с юным Поротовым, когда своей игрой на скрипке он допек всех окружающих. Вот и позвал его сосед цыган в полночь в старую баню под предлогом показать цыганскую скрипку, а на самом деле учинить ему трепку. И в памяти слушателей «страшного рассказа» осталась картина: смуглый паренек со скрипкой в руках — на самом коньке крыши, чтобы никто не смог достать его и прервать игру.

...Прибавьте ко всему сказанному легкость и пластичность, с которыми Поротов исполнял танцы на свои стихи и мелодии, приятный голос и... «такой человек нашелся».

Эта легкость далась не просто. Поротов и собирал фольклор, и учился при встрече с каждым интересным человеком тундры. Это углубило, наполнили его поэзию.

Когда-то восьмидесятилетняя ительменка Екатерина Романовна Арефьева впервые спела ему ходилу — ительменскую песню. Георгий Поротов к тому времени пробовал и сам сочинять. Он только что вернулся в Мильково после окончания Хабаровского культпросветучилища, где написал свою первую песню «Друзья, на фестиваль!». На площади Хабаровска ее исполнял сводный хор. По городу разбрасывали листовки с его стихами. Но когда после угощения ительменскими рыбными пельменями сухонькая смуглая бабушка запела молодым звонким голосом: «Как по желтому песочку красны лапки идут...», Георгий даже растерялся от нахлынувших на него чистых волнующих звуков, от соприкосновения с затаенно народным, истинно древним искусством.

Потом была встреча в селе Тигиль со стариками Запороцкими. Дед пел горлохрипением, молодежато танцевал, то пригибаясь, то выпрямляясь, порывисто и косо подергивая плечами: «Их-ха, их-ха!» Бабушка вела мелодию: «Баки-ю, баки-ю...» От этих ходил-песен и оттолкнулся поэтический бат Поротова, который двинулся в самое нелегкое путешествие — от села к селу, от человека к человеку, от сердца к сердцу. А Запороцких мы потом встретим в стихотворении «Бакию»:

Развеселый был мой дед,
Танец выдумал на свет
Бакию, Бакию.
Чтоб веселья больше было,
Бабка песню сочинила
Бакию, Бакию...

В зимней пенжинской тундре от оленеводов Поротов впервые узнал об обычае дарить хорошему другу песню. И ему песню подарили, потому что директор Дома народного творчества Георгий Германович Поротов оказался своим парнем, покладистым, шутником, уважительным к старикам. Жадным до сказок и песен. И чаевали до утра, и гудел бубен, и меховая палатка ходила ходуном, того и гляди рухнет: ведь все старались показать свои танцы, и Гоша, конечно, вместе с ними, а разве хватит места на такого большого, с крупного оленя, гостя... Поротов позже отдался стихотворением «Кэнакэтой» («Помни»):

Чтобы дружбы нашей пламя
Не погасло вдруг,
Песенку дарю на память
Я тебе, мой друг.

Кэнакэтой, кэнакэтой.

Будешь ты в краях нездешних,

В дальней стороне,

Вспомнишь звуки этой песни,

Вспомнишь обо мне.

Кэнакэтой, кэнакэтой...

А «бат» поэта поплыл дальше, в село Карага, на корякский праздник «Хололо» — праздник нерпы. Тут Поротов попал в такой неудержимый танцевальный переплет, стал участником таких удивительных древних игровых ритуалов, сменялись лица таких уникальных танцоров и певцов, что в пору и растеряться было: как все запомнить, чтобы потом воплотить в слова, образы. Но он уловил главное — будоражащий, темпераментный рефрен танца, непередаваемые на русский язык вскрики-приговоры: о-ча-ча, ак-ка, кхе-хе-хе, кья-кья-ях-яхьях! В этом же селе Георгий записал на магнитофон и уникальную «Песню уток» в исполнении горлохрипением сестрами Поповыми, старожилками Караги. И там были часто повторяющиеся, имитирующие вскрики птиц звуки. И в стихотворении Поротова «Утки» появляются две повторяющиеся строчки, словно отзвук весеннего утра в тундре:

Только снова заалет зорька на востоке,
Раздаются крики уток на речной протоке:

Ахама, хама, хама,

Ик, ик, ик...

— Это наше, — в один голос сказали старики, когда Георгий и спел, и станцевал им своих «Уток».

Так и путешествовал Поротов на своем поэтическом бату. И его, уроженца юга Камчатки, северная тундра навсегда приворожила вечно юным ликом. Это ее черты засветились в строчках — «в кухлянке новой Билюкай идет по склонам гор», «горизонт сомкнул ресницы, по низинам тень легла», «багряными кострами сопки в зареве горят», «скулит за юртою пурга побитою собакою».

Север наградил его не только героем Ое, но и искренними, верными друзьями. В ту пору, в начале творческого пути, Поротов считал свою поэзию лишь подспорьем в огромном деле, которое они с друзьями взвалили на свои плечи, — в становлении самодеятельного творчества народностей Камчатки. Нужно было объединить, организовать удивительные самобытные таланты родного края, показать всей стране, как танцуют, поют, рассказывают сказки его земляки. Вместе с писателем Владимиром Косыгиным (Коянто), известным педагогом, фольклористом, талантливым танцором Татьяной Петровной Лукашкиной он создал первый национальный самодеятельный ансамбль, завоевавший большую популярность и за пределами Камчатки. Его друзья были и

первыми советчиками, помощниками в создании образа Ое, и первыми исполнителями и пропагандистами его стихотворений и песен.

В 1964 году в Петропавловске на первом совещании молодых литераторов и поэтов Камчатки сборник Поротова «Ое» получил добрую оценку и затем был выпущен Дальневосточным книжным издательством. Но как поэт Георгий Поротов уже приобрел известность и признательность читателей, минуя все ранги начинающего и молодого, потому что его стихи и песни можно было, не дожидаясь встречи с книгой, услышать в каждом селе, в каждом клубе. Их пели, под них танцевали и русский, и коряк, и эвен, и ительмен, и чукча, и все считали, что Поротов их — поэт.

За сборник «Ое» Поротов получил премию Камчатского комсомола, а в высказываниях о нем писателей появятся такие строки: «Затерялись в древности имена сочинителей-рунопевцов "Калевалы", не слышны больше гусли, восхваляющие ратные деяния полка Игорева... А сказание Георгия Поротова "Ое" возникло в наши дни. Ое — история не только камчадалов, но и всех малых народностей Советской страны. "Из бедняков бедняк" до революции, после Октября — ленинградский студент. Он возвращается в родные края уже как просветитель народа. Интересно развитие характера героя: простодушный неудачник-охотник, тайком ухаживающий за прекрасной Аей, потом — знающий и любящий свое дело учитель...» (В. Санги).

Следом за «Ое» появились пьесы по ительменским мотивам: «Корел», «Кутха и мыши». Они сразу ушли в путешествие по клубам Камчатки. Спектакль по пьесе «Корел» показывали юным землякам артисты-кукольники Камчатской филармонии. «Кутха и мыши» зазвучала детской оперой в Усть-Камчатске и в родном селе Поротова — в Елизово. Режиссер Т. Д. Сапего ставит в облдрамтеатре спектакль для детей «Потерянный праздник» по пьесе Поротова «Веселый Акан». В 1981 году этот спектакль вошел в гастрольный репертуар камчатской труппы и был показан на сцене Малого театра в Москве.

Пьесы Г. Поротова добры, увлекательны и очень музыкальны. Он сам пишет к ним музыкальное сопровождение. Озвучивал он и свои песни, стихи, аранжировал мелодии и танцы тундры.

В 1972 году Дальиздат выпустил новый сборник Поротова «Акиках, Ачичух, Абабах», в который вошли эскизы к исторической поэме «Федька Дранка», старинные предания, современные сказы. В 1975 году московский «Современник» издал «Песни страны Уйкоаль» Поротова, книгу, включившую повесть в стихах «Ое», законченную поэму «Федька Дранка», фольклорную поэму «Эльвель».

К 1970—1980-м годам относятся и поэмы Г. Поротова «Пихлач», «Крылатый Кутх, или Песнь о любви», «Боги», «Тигильское сказание», «Кочующее племя».

Уже в первой поэме «Федька Дранка» Георгий Поротов четко обозначает индивидуальные приметы стиля. Он образно осмысляет исторические, бытовые, этнографические и фольклорные традиции малочисленных народностей Камчатки, психологически четко ведет повествование о судьбах героев. Герои его ярки, запоминаемы. В «Федьке Дранке» это — мужественный, легендарный казак Федька Дранка, трудолюбивый и добродушный Хоянто-пастух, проныра поп Флавиан, «хитрый парень — рыжий Степка»; в «Эльвель» — горный великан — шаман Ухт, «печаль и радость для парней» — красавица Эльвель, братья Каврал и Плахен, воинственный Голгоч; в «Пихлаче» — автор-философ, грустная Завина, хохотушка Лачь, карлик Пихлач...

В неопубликованных поэмах «Боги», «Тигильское сказание», «Кочующее племя» сохраняется авторский образный стиль: смешение бытовых реалий, чуткость к своеобразному местному говору и заново воскресшие легенды, сказки северной тундры. В этих произведениях слышны добрая, порой грустная ирония автора, его равнодушие к историческим несуразностям и, конечно, чувствуется любовь к шуткам-прибауткам, без которых немыслима была жизнь в медвежьем уголке — на Камчатке. Как тут с болью не усмехнешься, если в короткой поэме «Боги» читаешь о перевоспитании инородцев. Был Кутха, которому поклонялись местные жители, «приносили щедро дар», затем «из-за моря поп лохматый бога нового привез». Но «объявились комсомольцы, бога подняли на смех». Однако в конце концов председатель собрания на вопрос: «Где наш бог сейчас живет?» — ответил: «Вон он бог теперь — народ!»

В «Тигильском сказании» на фоне ярких деталей казачьего быта, уже тесно переплетенного с аборигенным, камчадалским: вечерки с танцами «Восьмерка», с загадками, сибирскими и старорусскими песнями и в то же время местным говорком; на фоне картинок из жизни губернатора Камчатки выпукло представлена судьба осёлка Ехима Шадрина. Когда-то на Камчатке были популярны люди большой физической силы, которых кормили всем обществом, чтобы затем они выходили победителями в схватке с борцами, привозимыми американскими торговцами. Одним из таких был Ехим Шадрин, не только сильный, но и честный, мужественный человек. Недаром народным сходом он был избран председателем туземного Совета. Правда, все споры он пробовал разрешить борьбой. Но Ехим остался легендой среди земляков, когда, безногий (после встречи с медведем сам себе отрезал гангренозную ногу), он при пожаре на катере спас земляков ценой своей жизни.

Особой одухотворенности и даже обожествления трудной и опасной жизни аборигенов в стихии тундры, гор, рек Георгий Поротов достигает в поэме «Кочующее племя», описывая путь пришельцев-эвенов к будущей родной земле в центре Камчатки, к подножию горы Алней:

Бедный эвен
Среди сумрачных скал
В поиске долгом
Тебя отыскал,
Алней!

Знарок эвенского фольклора, Поротов тклет свое поэтическое полотно из легенды о злом звере Эвене, из которого получилось два мирных существа — олень и эвен; из сказок о медведе и сове, о зайце, лосе, лисе и баране; из звукоподражаний зверям, птицам. Перелагает на стихотворный лад народные эвенские праздник Нургынэк, танец Ёхорь:

Если Ое загрустил
И с тоски заохал, —
Значит, Ое позабыл
Про веселый Ёхорь!
Ёхорь — танец у костра!
Ёхорь — танец до утра!
Ёхорь — счастья приход!
Ёхорь — празднует народ!

А в центре поэмы словно греет затаенным жемчужным светом образ красавицы Аи, которая богатому, удалому, но злому Тылкану предпochла бедного пастуха Аклы, а затем спасла свое кочующее племя, обнаженным телом изображая на пике каменной вершины снежный ком. Чтобы враги думали, что ее сородичи не остались без воды, что они живы, а значит, смогут достичь подножия Алнея.

На новом творческом этапе, в конце 1970-х — начале 1980-х годов, у писателя родились три книги прозы — роман «На околице Руси». С его страниц заговорили, забалагурили, запели жители когда-то самого боговерующего на всей Камчатке села Мильково — камчадалы, потомки смешанных семей казаков и ительменов. Писатель исследует предломление новой народной власти в психологии, быте этих трудолюбивых хлебопашцев, удачливых охотников, жизнелюбивых, тонко любящих природу людей, талантливых певцов, сказителей. В романе заговорили и родители Поротова: охотник-рыбак — отец, крестьянка — мать, известные и неизвестные земляки. Среди них и дедушка Андрей Акиндин — истовый христианин, который с душевным потрясением встретил прилетевшую в Мильково «небесную тарахтелку» — зеленый аэроплан. Еще до опубликования романа дедушка Акиндин был известен читателям газеты «Камчатская правда» по новелле Поротова «Аэроплан», этой своеобразной заготовке к роману, и запомнился написанными про него проникновенными строками:

«Андрей Акиндин постоял еще немного возле одинокой диковины и направился домой. Там он присел на шайку и тяжело задумался.

Увидев в окно дедушку, внучонок Жора с радостным криком бросился к нему: "Дедушка, антихрист прилетел! Будет подниматься, я в него камнем попаду!"

Акиндиныч нежно прижал внушонка к себе, нащупал у него на груди крестик, отстегнул и далеко его забросил. Потом ласково погладил по головке ошарашенного Жорку и вдруг горько заплакал.

Первые две книги «На околице Руси» были с интересом встречены читателем, особенно земляками-мильковчанами. Свой писатель писал о своих же родниках.

Третья книга впервые представлена в трехтомнике. В ней автор продолжает повествование о жителях села Мильково, новоявленных колхозниках, и в центр сюжета ставит известный в истории колхозного движения на Камчатке переход тракторной колонны из первого на полуострове совхоза «Пограничный» в долину реки Камчатки. Стальные «кони» шли в лютый мороз, в пурги, по бездорожью, чтобы успеть до начала посевной, и закалялись характеры молодых трактористов, затем прославивших мильковскую землю на всю страну.

...В памяти, набегая друг на друга, тесня и подталкивая, всплывают множество эпизодов, фраз, любопытных историй. И все играют на характер Георгия Поротова, на его творчество.

Мы беседуем в Георгием Германовичем в его квартире, заставленной книжными полками. И наш разговор порывист, как горная речка на острых камнях. Недавно Поротов помогал составлять концертную программу клубным культмассовикам-затейникам, приехавшим из сел и поселков Камчатки, и возмущен, что этот жанр, нужный в глубинке, не развивается так, как надо. «Многое делается для галочки, для призов», — горячо жестикулирует Поротов.

Он продолжает воевать за самодеятельность. В статьях, в выступлениях говорит о необходимости создания инструментального национального ансамбля, чтобы восстановить забытые инструменты коряков, ительменов, эвенов: варган, пищалки, трещотки, дудочки — коон, чикзел, айгена; кипит от гнева, когда видит вместо подлинно народного творчества подделку, небрежную стилизацию, считая, что стремление «облагородить» фольклорную форму ведет к ее выхолащиванию.

О трепетном отношении Георгия Поротова к фольклору малочисленных народов Камчатки говорит и тот факт, что с любимыми, опозэтизированными им сказками, легендами, былями он не расставался ни в поэзии, ни в прозе. Часто одну и ту же сказку или байку он, словно драгоценный камень, рассматривал со всех сторон, сочиняя на их тему пьесы, вставляя их в поэмы, в романы, дополняя, интерпретируя. Примером могут служить хотя бы его пьесы, где на разные лады предстает перед нами Кутха, то сказочный, то божественный персонаж: «Кутха и мыши», «Как Кутха на горбушах катался», «Крылатый Кутх, или Песнь о любви», «Как Кутха заставил Миты труд полюбить», «Как Кутха Эмемкута пугал»...

Поротов не только критиковал, но и помогал: сценариями, участием в постановке самодеятельных концертных программ, неутомимым наставничеством. В его городском «чуме» не смолкали мандолина, баян, а гости из Мильково, Эссо, Паланы, Каменского часами рассказывали сказки, пели, танцевали. И тогда была терпелива добрая муза поэта — жена Надежда. Уходили гости, нагруженные нотами, стихами, переполненные вдохновляющей щедростью хозяина, его гостеприимством. Кто только не ехал к Поротову — и профессора-этнографы, и школьники, и музыканты, и писатели из всех уголков страны. И все получали сполна, иногда даже злоупотребляя добротой и щедростью хозяина. Но лишь развеется в душе горечь от чьей-то неблагодарности — и по-прежнему она открыта для всех. И вновь достучишься, дозвонишься, почерпнешь из поротовской сокровищницы.

Особенно от души он помогал молодым литераторам. В Малеевке была свидетелем, как ночами он редактировал стихи молодых поэтов-северян. До сих пор помню его профессиональные наставления по прочтении моей неудачной детской повести. Он был добрым учителем молодому корякскому литератору Михаилу Попову, ительменской поэтессе Нели Суздаловой. Составлял сборники произведений писателей и поэтов из народностей Севера.

Разносторонность таланта Георгия Поротова вошла в легенды. В одном из поселков долины реки Камчатки нам с гордостью сообщили: «Хорошая агитбригада была у нас в гостях. Лекция была, концерт, беседовали, и учебу для артистов самодеятельности организовали, и репетицию духового оркестра». Спрашиваем: «А кто был в этой агитбригаде?» «Да кто, — отвечают, — Гоша Поротов!»

Выросший в богатой зеленой долине, вскормленный щедрой природой, Поротов, конечно, тосковал в городе, зажатый в «каменном мешке» стандартной пятиэтажки с неброским видом из окна, со скупыми солнечными лучами. Он испытывал нежность к каждой травинке, благоговение перед не виданными ранее цветами. В Подмоскovie он таинственно шепнул мне: «Идем, что покажу!» И привел на застекленную террасу. Там по-хозяйски расположился гигантский мохнато-ершистый, в голубоватой дымке кактус. Поротов смотрел на него с восторгом, как на живое существо. «Интересно, мне дадут отросток?» — спросил он тихо.

Поротов часто с грустью говорил: «Тянет в Мильково, в долину». И сердце отзывалось на эту грусть, и вспоминалось его стихотворение:

Вот и я,
Здравствуй, домик у речки!
Истомилась сыновья кровь.
Бойко мама хлопочет у печки.
В печке треск от пылающих дров.
Мне в окно оголенную веткой
Постучала седая ольха.
Где, мол, гость мой любимый и редкий,
Уж давно про него не слышать...

...В декабре 1986 года, уже после смерти Георгия Поротова, мы шли по небольшой уютной мильковской улочке, названной в его память. Инеем пушились деревья. Морозно хрустел первозданной белизны снег. Тянулись в небо ровнехонькие столбики-дымки из труб деревенских домиков за заборами. На горизонте розовели, словно от огромного костра, сопки. Но рядом не было неунывающего Гоши Поротова. Только его душа витала по улицам Мильково и трепетала грустью в глазах восьмидесятилетней матери, Надежды Андреевны.

Георгий Германович Поротов не только «прикован» к своей любимой Камчатке творчеством, но и вырос в нее ветвистыми корнями большой поротовской династии. У Германа Васильевича и Надежды Андреевны Поротовых Георгий был старшим сыном. Кроме Георгия, в семье было еще трое сыновей и три дочери. Братья Георгия — Владислав, Валерий, Виталий и сестра Анна, овладевшие рабочими профессиями, до пенсии трудились на мильковской земле. Глава семьи умер в 1964 году, около семидесяти лет от роду, Надежда Андреевна — в 1992 году. Из братьев Георгия Поротова ныне жив Виталий. Сестра Анна уехала к детям и внукам (четверо детей и восемь внуков) в Белоруссию. Сестры Светлана и самая младшая — Нина — педагоги по образованию. У Светланы трое детей. Нина живет в Петропавловске, у нее двое сыновей, она известная поэтесса.

Со своей женой, Надеждой Алексеевной, родом из города Завитинска Амурской области, Георгий Поротов познакомился во время учебы в культпросветучилище. Надежда Алексеевна всю жизнь посвятила библиотечному делу Камчатки, помогала мужу в творческой работе. В 1958 и 1961 годах у Поротовых родились дочери, Любовь и Галина.

Ныне старшая — Любовь Георгиевна — руководит отделом областного управления культуры. Ее дочь Марина (та самая «Маринка — колокольчик мой», которой Г. Поротов посвятил стихотворение), по семейной традиции, работает в областной библиотеке, воспитывает дочь, уже правнучку Георгия Германовича. Через девять лет после смерти Поротова, 1 июля, день в день, в Палане у его дочери Любви родился сын. В ее адрес шли телеграммы: «С возрождением Гоши», «Родился Гоша-весельчак». Мальчика так и называли — Гоша, сохранив ему фамилию Поротов. Гоша в свои семь лет — уже известный танцор, певец, прекрасно читает дедушкины стихи, выступал в концертной программе на сцене Камчатского театра драмы и комедии.

У младшей дочери Поротова Галины Георгиевны, по профессии она мастер по пошиву одежды, трое детей: Анне — 16 лет, Алексею — 14, Светлане — 1 год.

В последние годы Поротов работал особенно напряженно, с воодушевлением, неустанно прокладывая новую тропу в своем творчестве как литератор-историк.

Он самозабвенно писал роман «Камчадалы». Это был, по сути, гражданский подвиг писателя: дать заслуженную оценку обороне Камчатки в период русско-японской войны 1904—1905 годов, событию, по достоинству не оцененному до сих пор.

Между тем это был значительный эпизод в военной кампании, развернувшейся на Дальнем Востоке. Благодаря успешной обороне Камчатки был сохранен богатейший рыбный район, единственный удобный порт, имевший выход в Тихий океан. «Без каких-либо натяжек можно считать, что на фоне сплошных поражений и неудач, как на сухопутных фронтах, так и на море, оборона Камчатки являлась единственной крупной военной удачей России за всю войну», — писал краевед, член Географического общества В. И. Семенов.

Обо всем этом Поротов хотел рассказать в «Камчадалах». Он работал над романом увлеченно, с полной отдачей творческих сил. Недаром он поставил в эпиграф цитату Белинского: «Нет ничего приятнее, как созерцать минувшее и сравнивать его с настоящим. Всякая черта прошедшего времени, всякий отголосок из этой бездны, в которую все стремится и из которой ничто не возвращается, для нас любопытны, поучительны и даже прекрасны».

Именно прекрасными, одухотворенными и в то же время простыми и понятными выходили из-под его пера образы любимых героев. По замыслу Г. Поротова, роман «Камчадалы» должен был предворять трехкнижие «На околице Руси». Начав повествование в «Камчадалах» с 1905 года, он заканчивает его в последней книге «На околице Руси» 1930-ми годами. Уже в «Камчадалах» появляются многие герои, судьба которых развернется в последующих книгах. Это Илларий, ставший затем старостой Мильково, Андрей Акиндинович Бобряков (дедушка Акиндиныч), ламутский шаман Бурбак, колдун Мартын, звонарь Фана (будущий дьячок Агафангел), Кондратий, его жена Конкордия и две их дочери — Василиса и Ольга. С семьей Кондратия Зимина и Казимиром-Валвой, сыном ссыльного поляка, связаны самые трагические события романа «На околице Руси».

Путь рождения документального романа особо тернист и кропотлив. Воображение автора подпитывалось реальными историческими фактами, биографиями земляков, потомков известных на Камчатке фамильных династий, трепетной сыновьей любовью к своей родине. Он написал только четыре главы. Но их можно считать законченным произведением — так щедро они проникнуты камчатским духом того времени: неординарные характеры, самобытный язык, черты уникального уклада камчадальских сел. Писатель воссоздает картины бытия в этом медвежьем углу, жители которого, добрые, отзывчивые от природы, издревле живущие здесь, официально числились как «инородцы» и унижались, запугивались губительно далекими от знания местной жизни чиновничьими указами, впадали в крайнюю нужду от алчности предпринимателей — грабителей их лакомой земли.

Поротов достоверно воссоздал атмосферу единого патриотического порыва: под ружье, на защиту Камчатки встали все ее жители, и по долгу службы, и по велению сердца. Эта глава из романа — «За камчатскую землю» и сегодня вызывает душевный подъем и гордость. А эти чувства, полагаю, — признаки животворной сути книги. Как бы ни менялись наши политические и экономические взгляды, мы не вправе идти по жизни не помнящими родства и нашей истории. За что ратовал всем своим творчеством Георгий Поротов.

По натуре человек общественный, равнодушный (недаром в Мильково он был депутатом сельского Совета, членом бюро комсомола, в Палане — депутатом поселкового Совета), Поротов до последнего часа одухотворял своим талантом и неутомимостью любимых земляков. Просто сердце не выдержало, когда он в очередной раз прилетел домой из творческой командировки — из далекого северного поселка, где помогал самодеятельным артистам.

Творчество Георгия Поротова неотделимо от его щедрой, самобытной личности, от его неудобного, но честного характера, от его слов, вписанных им в свою биографию: «Пусть ительмены считают меня ительменским поэтом, коряки — корякским. Главное счастье в творчестве — быть принятым народом и сердцем служить ему».

Н. Селиванова